

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

“ВЕЧНЫЙ ЖИД”

Поэт... поистине он — Вечный Жид...

Иосиф Бродский

Человек всегда соткан из противоречий. Особенно поэт. Вот и Иосиф Бродский, как он сам утверждает: “русский поэт, еврей и американский гражданин”. Или по-другому: “русский поэт, хотя и евреец”. У него есть стихи, явно противоречащие одно другому. В разные периоды, по разным причинам он сам пробовал отказаться от своего русского предназначения. У каждой нации есть свои народные герои. И позитивные, и не очень. К примеру, в России — Иванушка-дурачок. В каждом из русских есть какая-то доля Иванушки-дурачка. Вот и у еврейской нации ещё с древних времен есть такой вечно странствующий герой, легендарный Вечный Жид.

Сразу хочу чётко заявить, что к антисемитскому смыслу бытового понятия “жид” поначалу еврейская легенда, а затем и средневековая европейская легенда о “Вечном жиде” никакого отношения не имеет. Имя Ахасверус (Агасфер), которым Вечный Жид стал с XVII века именоваться в легендах большинства европейских народов, — это слегка изменённая форма имени персидского царя Ахашвероша из еврейских народных театральных представлений в Пурим по книге Эсфирь. В 1602 году в Германии была опубликована лубочная книга “Краткое описание и повествование о еврее по имени Ахасверус”. Эта книга имеет ещё одно длинное название: “Новое сообщение об Иерусалимском жиде, именуемом Агасфером, видевшем распятие нашего Господа Иисуса Христа и находящемся ещё в живых”. Рассказанная в книге история с чрезвычайной быстротой облетела всю Европу и навсегда захватила народное воображение. Зафиксировано более сотни легенд о Вечном Жиде. Другие имена Агасфера: Эспера-Диос — Надейся на Бога, Бутадеус — Ударивший Бога, Картафил — Сторож Претория. Во время пути Иисуса Христа на Голгофу Агасфер отказал ему в кратком отдыхе у своего порога и велел идти дальше. За это ему самому отказано было в упокоении до Второго пришествия Христа: он обречён из века в век безостановочно скитаться по Земле. Вечный Жид обречён на скитания. Он — еретик, враг Христа, но в то же время свидетель о Христе.

Вечный Жид возникал в воображении народов как неутомимый путешественник, который взбудораживал страны своим появлением. Появилось множество свидетелей, даже среди представителей привилегированных кругов, которые либо сами видели Агасфера, либо слышали от весьма уважаемых лиц о его появлении то тут, то там. Когда во времена Средневековья произносили: “*Der wandernde Jude*” в Германии, “*The wandering Jew*” в Англии, “*Le juif errant*” во Франции или “*L’ebreo errante*” в Италии, а в Чехии и в Польше “*Wieczny Zyd*”, — то все всегда знали, о ком идёт речь.

Вечного Жида представляли то неутомимым странником, то страдающим от мировой скорби, то злым духом, то провозвестником конца света, то символической фигурой, олицетворяющей несправедливое преследование евреев... О странствиях Вечного Жида охотно писали великие писатели, его рисовали великие художники, к примеру, Густав Доре. Вечный Жид – символ человечества, обречённого шагать по пути прогресса до конца мира. Видят в нём и аллегорическое изображение судьбы еврейского народа, изгнанного из своего отечества и блуждающего по свету. С этим охотно соглашались и сами евреи, несмотря на созданное специально для них государство Израиль и толстые кошельки, обречённые по характеру своему вечно странствовать по миру. Да они и сами не отрицают, что во многих из них сидит древняя частичка Вечного Жида.

Не смог уйти от своего национального прототипа и Иосиф Бродский. Сама эмиграция его, переезд по политической причине из одной страны в другую вряд ли приближала поэта к образу мирового героя. Но кто будет отрицать, что Иосиф Бродский более, чем Борис Пастернак или Осип Мандельштам, был *Le Ju if errant*, буквально: *странствующим евреем*?

Кто заставлял Иосифа Бродского уже после эмиграции в Америку постоянно мотаться то в Мексику, то в Англию, то в Швецию, то в Италию? Это уже не поездки израильянина, немца, француза или русского из своей родной страны в поисках дорожных приключений. Это выход за пределы судьбы русского поэта, выход в иную ипостась *вечного странника*, в данном случае, в ипостась Вечного Жида. Он сам себя в стихах переселяет в разные точки пространства, покойного и горячо любимого им отца отправляет зачем-то в Австралию, сравнивает себя то с Тиберием, то с Постумом, то с пеплом, сгоревшим дотла. *Гонимый ветром странник*, частично *с русской душой*. Как ни печально для меня и как ни парадоксально, но последнюю, уже вечную точку в его ипостаси Вечного Жида поставила его любимая женщина – его вдова Мария Соццани. Гражданин России в результате политической эмиграции стал гражданином США. В этом нет ещё вечного странничества – таковы судьбы миллионов русских эмигрантов из первой ли, из второй или третьей волны. Он родился в России, был русским поэтом, уехал в США, даже купил себе там место на кладбище (какое уж тут странничество?) и был похоронен в Венеции, где, по сути, никогда и не жил – так, наведывался. Это ли не удел всех вечных странников?! Да, я знаю, что сам Бродский не собирался себя отправлять в Венецию, хотел мирно упокоиться на американском кладбище, отринув уже и Россию, и Васильевский остров, как ушедшее прошлое. Не оставял он и никакого завещания на этот счёт, что бы сегодня ни придумывали иные журналисты. Но не иначе как сама судьба заставила его уже после смерти воплотиться в *странствующего еврея*. Почти никогда не дающая интервью его вдова Мария Соццани как-то разговорилась с польской журналисткой Ирэнной Грудзиньской-Гросс и призналась ей: “Идею о похоронах в Венеции высказал один из его друзей. Это город, который, не считая Санкт-Петербурга, Иосиф любил больше всего. Кроме того, рассуждая эгоистически, Италия – моя страна, поэтому было лучше, чтобы мой муж там и был похоронен. Похоронить его в Венеции было проще, чем в других городах, например, в моём родном городе Компиньяно около Лукки. Венеция ближе к России и является более доступным городом...” Америку вдова откровенно не любила и оставалась в ней с дочкой не желала, и потому тело мужа увезла со временем к себе на родину. По-человечески это понятно, но о мистическом перемещении странника в “вечное странствие” уже никто и не думал. Вот так и поплыл по волнам вечного странствия теплоход “Иосиф Бродский”. Но в жизни своей поэт часто решительно боролся с проявлениями в себе этого Вечного Жида. Его имперское “я” не хотело быть ничейным. В конце концов, он даже после отъезда из России писал:

*Как бесщётным жёнам гарема всеильный Шах
Изменить может только с другим гаремом,
Я сменил империю. Этот шаг
Продиктован тем, что несло горелым...*

Это отрывок из “Колыбельной Трескового мыса”, одного из лучших американских имперских его стихотворений. Из русского поэта Иосифа Бродско-

го прорастающий американский поэт Джозеф Бродски — это тоже иная ипостась личности. Иная судьба, иное и отношение к ней. В такой ипостаси жили и американский Набоков, и Джозеф Конрад, и многие другие. . . А вот обрести ещё одну ипостась — Вечного Жида — не каждому еврею суждено. Не подвести под неё ни Пастернака, ни Мандельштама, ни друга Иосифа Бродского Евгения Рейна. . . Не подвести под неё и наших американских эмигрантов.

Как пишет Элкан Натан Адлер, известный еврейский путешественник и собиратель древних манускриптов: “Странствующий жид — вполне реальный персонаж великой драмы Истории. В самые отдалённые города широко раскинувшейся Римской империи путешествовал он в качестве кочевника и переселенца, беженца и завоевателя, коллекционера и посла. Его интерес к другим странам, расположенным поблизости и вдалеке, пробудило чтение Священного Писания. . . Он разговаривал на многих иностранных языках и мог объясниться с любым евреем, в какой бы стране тот ни жил”. И уже заканчивая своё увлекательное путешествие-повествование о “Детях Вечного Жида” Натан Адлер пишет: “Он по-прежнему является связующим звеном между рассеянными по миру членами еврейской диаспоры” . . .

Мне этот персонаж, эта его ипостась далека. Но не видеть его периодических побегов в мир Вечного Жида я не могу. Попробую вкратце охарактеризовать этого совсем иного персонажа, вырастающего из противоречивой личности Иосифа Бродского.

Этот его лик проявлялся в нём ещё и в петербургский период. Думаю, он упорно боролся с ним, подавлял его, а позже, уже в Америке, махнул на него рукой. Пусть чередуются в нём несколько разных ликов: русского поэта, англоязычного эссеиста и гражданина США и Вечного Жида. Думаю, в самом Израиле Вечных Жидов нет, да и среди правоверных иудеев их не отыщется. Как писал Михаил Крепс в своей содержательной книге о поэзии Бродского, иные стихи его — это “вечные жида, блуждающие среди кривых зеркал”. Поэзия Вечного Жида — это поэзия “совершенного никто”, написанная неизвестно где и неизвестно когда, поэзия стареющего одинокого вечного странника:

*Но, видать, не судьба, и года не те,
И уже седина стыдно молвить где,
Больше длинных жил, чем для них кровей,
Да и мысли мёртвых кустов кривей.*

Его стихи уже стали адресоваться неизвестно откуда, неизвестно когда и неизвестно кому:

*Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря,
дорогой уважаемый милая, но неважно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить уже, не ваш, но
и ничей верный друг...*

Расплывчатость, размытость всего мира, и внешнего, и внутреннего, вне времени и пространства, характерны для этого лика поэта. Он затерялся для всех, в том числе и для самого себя. Такому поэту Бродскому и отказывают в праве называться “русским поэтом”, именуя его в лучшем случае “мировым поэтом”, наши известные критики, в частности, Вадим Кожинов. О таком страннике пишет в недавно вышедшей книге о нём Александр Бобров.

Его противоречивость, совмещение несовместимого, соединение вульгарного и высокого стиля, пусть и произрастающее из уличного детства и общей необразованности питерского шпанистского подростка, были погружены в ничейный мир, откуда он метал свои стрелы. В один и тот же период времени он мог искренне написать, вспоминая свою любимую Марину Басманову: “До сих пор, вспоминая твой голос, я прихожу в возбуждение. . .”. А позже, разозлившись, заявил, обращаясь к бюсту римского императора Тиберия: “Приветствую тебя две тыщи лет/ спустя. Ты тоже был женат на бляди./ У нас много общего. . .”. Впрочем, такие же контрасты мы находим в его стихах и по отношению к России. То полное обожание и возвышение:

*Не обманешь народ. Доброта — не доверчивость. Рот,
Говорящий неправду, ладонью закроет народ,
И такого на свете нигде не найти языка,
Чтобы смог говорящий взглянуть на народ свысока.*

То полное пренебрежение:

*Входит некто православный, говорит: “Теперь я главный.
У меня в душе Жар-птица и тоска по государю.
Скоро Игорь воротится насладиться Ярославной.
Дайте мне перекреститься, а не то — в лицо ударю...”*

И то, и другое пишется абсолютно искренне. Это и есть разные ипостаси разных поэтов: русского поэта Иосифа Бродского и вечно странствующего еврея.

В Америке он пробует уйти в англоязычную поэзию. Александр Кушнер писал в заметках о Бродском, что, когда они встретились в Нью-Йорке после десятилетней разлуки, в лице Иосифа появилось что-то новое. Кушнер предположил, что постоянная жизнь в англоязычной среде заставила развиваться группу лицевых мышц Иосифа, которые раньше были неразвитыми. Он переводил на английский собственные стихи, сохраняя метр и рифму, он писал стихи по-английски, исповедуя те же правила. В результате он перессорился со многими переводчиками и навлек на себя безжалостную ругань поэтов и критиков.

И впрямь, как писал его друг Кейс Верхейл ещё в сентябре 1972 года, после перелёта Бродского в Америку: “В последний раз я слышал его голос, когда он был в Вене. Он не мог взять в толк, что же с ним произошло, — один раз принялся горячо рассказывать мне о первом знакомстве с Западом и о том внимании, которым он, поэт, в России сумевший опубликовать лишь несколько строк из написанного, вдруг оказался окружён; в остальном же был мрачен и полон тихого бешенства. На открытке с фотографией *Tower Bridge*, которую он послал мне из Лондона незадолго до отъезда в Америку, были, в частности, такие слова: “Если всерьёз — я мёртв, если не всерьёз: мне дали место *poet in residence* в *Ann Arbor*”. . . . Позже, уже справившись со смелой империи и языка, Бродский всё-таки повторяет в интервью 1987 года: “Я полагаю, что страх, высказанный в 1972 году, отражал опасение потерять своё “я” и самоуважение писателя. Думаю, что я действительно не был уверен — да и не очень уверен сегодня, — что не превращусь в дурачка, потому что жизнь здесь требует от меня гораздо меньше усилий, это не столь изощрённое каждодневное испытание, как в России”. В 1973 году появилась формула для выражения человека в новом пространстве — “совершенный никто, потерявший память, отчизну, сына” (“Лагуна”). Этот его период хорошо проанализировал Владимир Козлов в статье “Непереводимые годы Бродского”. Они и впрямь непереводимы. Этого американского англоязычного Бродского и не воспринимают всерьёз многие наши отечественные критики.

Наверное, его бы не воспринимал и я, но зачем мне непереводимый англоязычный поэт Бродский, когда для меня есть великолепный русский поэт Иосиф Бродский? Англоязычного поэта Бродского большинство американских и английских поэтов тоже не воспринимали. И поделом. Может быть, Америка для бытовой жизни и есть самое лучшее место для вечного странника, но вряд ли для русского поэта. Он в каком-то смысле сам себя “изгнал”. Но не потерял ли он со временем русскость? Как он сам иронично говорит, отвечая на вопрос финского корреспондента: “Есть ещё более серьёзный упрёк — что Вы утрачиваете свою русскость. . . . Если её можно утратить — грош цена такой русскости. . . .” Он сам же и анализирует своё метафорическое “изгнание”: “Если бы нам пришлось определить жанр жизни изгнанного писателя — это была бы, несомненно, трагикомедия. Благодаря своему предыдущему воплощению, он способен почувствовать социальные и материальные преимущества демократии гораздо острее, чем её уроженцы. Однако по той же самой причине (главным сопутствующим результатом которой является языковой барьер) он оказывается совершенно неспособным играть сколь-нибудь значительную роль в этом новом обществе. Демократия, в которую он прибыл, обеспечивает ему физическую безопасность, но делает его социаль-

но незначительным”. Он сам сползает в изоляцию и поэтическую, и языковую. Как он сам о себе говорит, что прибыл в США уже “без своей Музы”. Что может быть страшнее для поэта? “Здесь утром, видя скисшим молоком, / молочник узнаёт о вашей смерти. / Здесь можно жить, забыв про календарь, / глотать свой бром, не выходить наружу...”

Англоязычного поэта Бродского внимательно разбирает талантливый литературовед А. Волгина. Она права, когда сравнивает английского и русского Бродского с Льюисом Кэрролом: “Английская королева Виктория, прочитав удивительную сказку “Алиса в стране чудес”, потребовала, чтобы ей принесли “все книги этого автора”. Каково же было её изумление, когда на её письменный стол легли тома математических трактатов! Приближенные Её Величества переусердствовали: вместе с книгами Льюиса Кэрролла – тонкого сказочника, мастера поэзии нонсенса – они принесли труды Чарльза Латуиджа Доджсона – известного математика, адепта чистой логики. Однако биографически два этих автора – одна и та же личность!”

То же самое случилось в эмиграции и с Иосифом Бродским. Он и впрямь становится там поэтом *Joseph Brodsky*. Совсем другим человеком, другим поэтом. Не буду касаться великолепной англоязычной эссеистики Бродского – в этом жанре двузачность удаётся и Набокову, и Конраду, и Бродскому в равной мере. Но Иосиф Бродский, прежде всего, – поэт. При жизни Бродского за рубежом в Великобритании и США вышли в свет четыре сборника его стихотворений на английском языке. А. Волгина абсолютно права, когда упоминает о, может быть, лучших англоязычных поэтах, о Крэге Рейне, Питере Портере и других, которые пишут об английской поэзии Бродского скорее как об “антологии плохой поэзии”. Волгина приводит конкретные примеры разгромной критики англофонного Бродского: “На страницах *The Observer* Питер Портер возмущённо задаётся вопросом, “так ли хорошо Бродский и компания переводят с русского на английский”. Как полагает рецензент, Бродский “забалтывается, повторяется и нисколько не интересуется эффективностью своих рифм, ритмов и выразительных средств. Слова валяются друг на друга, шутки не выходят, а сленг используется в самых неподходящих местах”. В отличие от Джорджа Циртеса, находящегося в сборнике Бродского лишь отдельные недочёты, Портер воспринимает как исключения удачные строки и лаконичные, не позёрские стихотворения. В целом же он оценивает книгу чрезвычайно низко. Заметку о Бродском Портер завершает прозрачным намёком: судя по сборнику “*To Urania*”, Нобелевская премия, присуждённая Бродскому, была политическим демаршем, а не заслуженной поэтом наградой.

Дональд Дэви (Donald Davie) – известный критик и поэт, – хотя и выражает своё мнение не так резко, однако его оценка едва ли не более негативна. Его статья “Насыщенная строка” – не краткая эмоциональная реплика, подобная заметке П. Портера. В ней находится место и анализу, и обширным цитатам, и историческим справкам. Дэви полагает, что английские стихотворения Бродского до отказа перегружены тропами, “гиперактивными метафорами”, игрой слов. По мнению рецензента, поэт, скрупулёзно воссоздавая размер оригинального стихотворения в переводе, упускает из виду тот факт, что строгие метры русской поэзии абсолютно неприемлемы для английской просодии: “Наши ритмы, даже дробные десятисложники Марло или Драйдена, менее чётки и более вариативны, нежели ритм трёхсложных размеров, характерных для русской классической поэзии. Коль скоро это так, последствия чрезвычайно важны, ибо это означает, что рокошущая русская строка благополучно управляется с громыхающими в ней блистательными тропами и “конкретными физическими деталями”, под весом которых более лёгкая английская спотыкается, запинается и запутывается”. Употребление анжанбеманов в англоязычной поэзии, по мнению критика, также требует значительно большей деликатности, нежели демонстрирует Бродский в своих автопереводах: “Коль скоро единство строки в английской поэзии менее определённо, нежели в русской, анжанбеман подвергает это единство куда большему риску, чем думает Бродский”. В результате в ряде стихотворений Бродского сохраняется только метрическое и графическое, но не музыкальное, интонационное единство. Строфы Бродского в переводе выглядят громоздкими, а сложная рифмовка – искусственной, вымученной. Финал рецензии Дональда Дэви, пожалуй, ещё более нелицеприятен, чем реплика Питера Портера: Бродский, разумеется, “высокоодарённый поэт, серьёзно относя-

щийся к своему призванию”, но критики, поторопившиеся с высокими оценками его англоязычного творчества, сослужили ему плохую службу, а присуждение ему в возрасте 47 лет Нобелевской премии было не только преждевременно, но и губительно. “Мы сделали из него монумент и икону, прежде чем научились видеть в нём страдающего человека и добросовестного мастера”, — полагает Дональд Дэви”.

Далее А. Волгина приводит рецензию Кристофера Рида “Великая американская катастрофа”: “У Бродского, очевидно, возникают проблемы не только с временами, но и с предложениями, союзами, порядком слов в предложении, образованием формы родительного падежа и прочими мелочами, которые, возможно, и не укладываются в рамки учебника грамматики, но, тем не менее, используются на практике и демонстрируют уровень лингвистической подготовки говорящего или пишущего”. Автопереводы Бродского звучат не по-английски: это “переводческий диалект”, неологически созданный на грани оригинального языка и языка перевода. Бродский взялся за перевод и сочинение на английском без должной подготовки, считает критик, он слишком поторопился, объявляя себя главным, если не единственно полномочным интерпретатором своей поэзии на английском языке и диктуя свою волю специалистам, которые самостоятельно справились бы с такой работой значительно более квалифицированно: “Сама ткань и движение стиха с его какою-то, его на скорую руку сделанными анжанбеманами, его отчаянными метаниями между многословием и недоговорённостью, и общей своеобычностью его тона, по всей видимости, поддерживают такую интерпретацию”...

Противопоставить такой критике можно разве что восторженное эссе близкого друга Иосифа Бродского Дерека Уолкота. Зачем я противопоставляю русскую поэзию Иосифа Бродского его поздний американский опыт? Я же не собираюсь, подобно Крегу Рэйну, ведущему американскому поэту, ставить под вопрос его Нобелевскую премию. Рэйн в статье “Репутация, подлежащая инфляции” и впрямь разгромил Бродского. Как пишет Волгина: “Статья К. Рэйна вызвала значительно больший резонанс: в ней Бродский критикуется не только как англоязычный поэт, но и как эссеист, не только как версификатор, но и как мыслитель; вопрос уже даже не в том, заслужил ли он Нобелевскую премию, а в том, оправданно ли вообще его международное признание”. Крэг Рэйн приходит к следующему выводу: “Он был нервной посредственностью мирового класса, блефующей, но знающей, сколь ненадёжно его чувство английского языка, ставшее основой для его международной репутации”.

Эта полемика мне интересна потому, что она, по сути, объясняет нашу отечественную, как правило, разгромную русскую критику позднего американского Бродского — критику Александра Солженицына, Наума Коржавина, Льва Наврозова. Но ощутив свою англоязычную беспомощность, Иосиф Бродский и в поздних стихах на русском языке, от злости и гордыни, пробует уйти в поэзию странничества, в поэзию Вечного Жида. Это ему удаётся в большей мере, чем его англоязычная поэзия, но именно странническая поэзия Бродского вызывает неприятие многих наших читателей и авторов.

Коснусь книги моего друга Александра Боброва “Вечный странник”. Я сначала хотел было поспорить с ней, но понял, что мы же пишем с ним совсем о разных Бродских. Скорее, я соглашусь с Волгиной в её выводах: “Однако здесь и таится опасность, которой сам Бродский, видимо, не предвидел: его подлинное “я” будет окончательно закрыто для англо-американского читателя *Joseph’om Brodsky* — смелым реформатором языковой нормы, блестящим экспериментатором в области стиха, но поэтом, отнюдь не равновеликим русскому оригиналу — Иосифу Бродскому”. Я бы только добавил, что не только англофонный, но и русскоязычный поздний *Джозеф Бродский* уже не равен своему русскому оригиналу.

Англофонный и поздний русскоязычный поэт попал под явное влияние того самого Вечного Жида, который немало путешествует по миру, равно удалённый от глубинной жизни той или иной страны или нации, лишь прислонённый к местам странствий. Блестящий американский поэт Крэг Рэйн не приемлет лишь прикасающегося к его стране и американской поэзии вечно странника Бродского, талантливый русский поэт Александр Бобров так же, как и Наум Коржавин или Евгений Евтушенко, не приемлет лишь прикасающегося к русской поэзии, к русской культуре вечно странника Иосифа Бродского его позднего американского периода. Как писал Евгений Евтушенко: “Брод-

ский — великий маргинал, а маргинал не может быть национальным поэтом”. И я бы полностью согласился с Евтушенко, но вряд ли он говорит о стихах Бродского периода его северной ссылки, вряд ли в своей книге Александр Бобров оспаривает его стихи “Северный край, укрой. . .” или “В деревне Бог живёт не по углам. . .” Да и иные его эмигрантские стихи, в том числе знаменитое “На независимость Украины”, написаны явно с русских или, как пишет Бродский, с “кацапских” позиций:

*То не зелёно-квитный, траченный изотопом,
— жовто-блакитный реет над Кошотопом,
скроенный из холста: знать, припасла Канада, —
даром, что без креста: но хохлам не надо.
Гой ты, рушник-карбованец, семечки в потной жмени!
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.*

.....

*Процевайте, хохлы! Пожили вместе, хватит.
Плюнуть, что ли, в Днипро: может, он вспать покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый
отвёрнутыми углами и вековой обидой.
Не поминайте лихом! Вашего неба, хлеба
нам — подавись мы жмыхом и колобом — не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду.
Кончилась, знать, любовь, коли была промежду.*

Кстати, после выхода двухтомника, составленного уже покойным Львом Лосевым, я увидел, что по настоянию Фонда по управлению наследственным имуществом Бродского из двухтомника это стихотворение выбросили, составителю еле удалось сохранить лишь упоминание о нём. А меня поражает его соборное “мы”, “нам, кацапам. . .”.

Вот и получается, что мы с Бобровым пишем как бы о разных поэтах. Боброва, как и Солженицына и многих других, отталкивает время от времени просыпавшаяся в Иосифе Бродском (но отнюдь не главенствующая в нём) ипостась Вечного Жида, рождавшая такие стихи:

*То вид отечества: гравюра,
На лежаке солдат и дура.
Старуха чешет мёртвый бок.
То вид отечества: лубок.
Собака лает, ветер носит,
Борис у Глеба в морду просит...
Пускай художник, паразит,
Другой пейзаж изобразит.*

Напомню, однако, что Бобров сам же в книге своей и опровергает себя, приведя и другие стихи Бродского: “Вот пророческие стихи, чисто имперские:

*Лучше быть голодным и усталым,
Чем холопом доедать обѣдки,
Лучше быть в Империи капралом,
Чем царём — в стране-марионетке.*

Как это злободневно звучит сегодня по отношению ко всем странам, тяв-кающим на Россию! Но Бродский в нелепой кофте из местечкового фильма никогда бы не написал таких строк. . .”

Так о чём же спорить с тобой, Саша? Из 350 страниц якобы антибродской книги Боброва страниц 300, как минимум, написаны в его возвеличивание, с цитатами из Якова Гордина, Анатолия Наймана, Валентины Полухиной. Александр Бобров размышляет почти так же, как я, о “лучшем периоде” его жизни на Севере: “А ведь туда приезжали и его друзья, и любимая, там были написаны самые светлые строки, наконец: “В деревне Бог живёт не по углам. . .” И сам себя оспаривает. Приведены целиком и две мои статьи о русском поэте Иосифе Бродском. Те же стихи, где Бродский отрывается от рус-

ской культуры, впадает в англофонность или “странничество”, – стихи “совершенного никто, человека в плаще” – особо нигде и не популяризируются в России. Это и на самом деле стихи цикла “Собака лает, ветер носит...”, стихи всем чужеватого Вечного Жида, но не они же принесли поэту мировую славу!

Стихи позднего Бродского не жалуют и его давние друзья. Как пишет Евгений Рейн, Бродский “...отказался от того, что так характерно для всей русской лирики – темпераментной, теплокровной, надрывной ноты”. С Евгением Рейном полностью солидарна и Елена Шварц: “Он привил совершенно новую музыкальность и даже образ мышления, не свойственный русскому поэту. Но нужно ли это русской поэзии? Я не уверена, что это русский язык. Это какой-то иной язык. Каждым поэтом движет какая-то стихия, которая за ним стоит. Холодность и рациональность мало свойственны русской поэзии. Ей свойственна внутренняя и глубокая надрывность”.

Отмечу только, что отстранение и даже отчуждение в ипостаси вечного странника у Иосифа Бродского относится не только к России или к Москве, но и к Америке, к Венеции, к Стамбулу и уж тем более к абсолютно чуждому ему Израилю. Да, можно возмутиться тем, что Бродский буквально кощунствует, когда пишет своё “Представление”, но такие же дешёвые раёшники он устраивал и по отношению к Америке, всюду издевался над всем Востоком, от Китая до Турции, впрочем, любил поиздеваться и над самим собой. Ведь это же он о себе самом пишет:

*Гражданин второсортной эпохи, гордо
Признавал он товаром второго сорта
Свои лучшие мысли, мыслишки же прочих
Некондицией вовсе считал, пророка.*

Ему не нужна была героическая биография, он хотел жить так: “Не знаю я, известно ль вам, что я бродил по городам и не имел пристанища и крова?...” Это ли не эпиграф ко всем странствиям Вечного Жида?

Мне не хватило в книге Боброва именно хронологии и анализа пути странствующего Вечного Жида. В аннотации к книге Боброва читаем: “Английская профессорша Валентина Полухина издаёт книгу за книгой и в каждой талдычит: “Я считаю, что Бродский действительно своего рода Пушкин XX века – настолько похожи их культурные задачи... Если же говорить о главном, то я не встретила ещё ни одного русского поэта, который не страдал бы комплексом Бродского... Его не обойти. Ему надо либо подчиниться и подражать, либо отринуть его, либо впитать в себя и избавиться от него с благодарностью. Последнее могут единицы. Чаще можно встретить первых или вторых”. Автор книги – определённо из вторых, из решительно отринувших. Бродский породил множество эпигонов и подражателей. Про одного из них – Александра Кушнера – сказал так: “грызун словарного запаса”. Это определение, по мнению автора, как нельзя более полно относится и к самому антигерою книги”.

Никак не могу отнести Сашу Боброва к числу “отринувших” – чересчур уж долго он Бродского “отрывает”! На протяжении 350 страниц Бобров, скорее, по-своему, но именно “впитывает Бродского в себя”, то со знаком “плюс”, отмечая его “светлые” и “имперские” стихи, то со знаком “минус”, не принимая его путь странничества, но так и не дойдя в этом неприятии до чёткого определения Вечного Жида.

В одном из интервью на вопрос, кто он на самом деле, Бродский дал исчерпывающий ответ: “Я чувствую себя русским поэтом, англоязычным эссеистом и гражданином Соединённых Штатов Америки”. Вот и нужно написать о нём три книги: о русском поэте (что я и делаю), о блестящем англоязычном эссеисте и благополучном и даже достаточно обывательски законопослушном гражданине США. Но может быть и ещё одна книга, которой пока что нет: об ипостаси странствующего еврея. Увы, Бобров не сумел сконцентрироваться на этом. Парадоксально, но, думаю, его Бродский чересчур пленил его своими лучшими стихами. Более злые книги вышли у Владимира Соловьёва и у Наума Коржавина.

Как русский поэт, Иосиф Бродский даже в свой американский период жалеет о разрушенной империи, называет себя “мы, кацапы...” и даже время от времени рвётся плюнуть на всё и поехать в Россию, сам же себя и останавливает: “Время от времени меня подмывает сесть на самолёт и приехать

в Россию. Но мне хватает здравого смысла остановиться. Куда мне возвращаться? Ведь это теперь уже другое государство, чем то, в котором я родился. Я по-прежнему думаю об этой стране в категориях Союза, не России, с этой страной меня связывает только прошлое. Прошлое, которое дало мне абсолютно всё, дало понимание жизни. Россия – это совершенно поразительная экзистенциальная лаборатория, в которой человек сведён до минимума, и потому ты видишь, чего он стоит. Но возвратиться в прошлое нельзя и не нужно. У человека только одна жизнь, и когда справедливость торжествует на тридцать или сорок лет позже, чем хотелось бы, человек уже не может этим воспользоваться. Поздно. К сожалению, поздно. Я не хочу видеть, во что превратился тот город Ленинград, где я родился, не хочу видеть вывески на английском, не хочу возвращаться в страну, в которой я жил и которой больше нет. Знаете, когда тебя выкидывают из страны – это одно, с этим приходится смириться, но когда твоё Отечество перестаёт существовать – это сводит с ума”...

Парадоксально, но Иосиф Бродский не хочет возвращаться именно в перестроенный Петербург, где все вывески на английском и все названия фирм звучат по-английски.

Уже не как американский гражданин и англоязычный эссеист, а как “странствующий по миру еврей” Иосиф Бродский предпочитает стать “совершенным Никто” и писать “Ниоткуда с любовью...”. Но ему никогда не преодолеть дистанцию между “русским” и “англоязычным” Бродским. Англоязычный читатель по обе стороны океана, когда воспринимает его книгу стихов не как переводное издание, а как сборник англоязычной поэзии, созданной поэтом по имени *Joseph Brodsky*, чьё имя стоит на титульном листе, недоумевает, за что же ему дали Нобелевскую премию, и думает про себя: очевидно, у него есть нечто выдающееся, написанное по-русски? Авторская личность “*Joseph Brodsky* – англоязычный поэт-переводчик” так и остаётся вторичной. Главное, что это прекрасно понимал и сам Иосиф Бродский. В разговоре с Соломоном Волковым о “неминуемом переходе на англоязычные рельсы” он заметил: “Это и так, и не так. Что касается изящной словесности – это определено не так. <...> Но стихи на двух языках писать невозможно, хотя я и пытался это делать...” О том же поэт говорил и Свену Биркертсу: “Прежде всего, мне хватает того, что я пишу по-русски. А среди поэтов, которые сегодня пишут по-английски, так много талантливых людей! Мне нет смысла вторгаться в чужую область. Стихи памяти Лоуэлла я написал по-английски потому, что хотел сделать приятное его тени <...> И когда я закончил эту элегию, в голове уже начали складываться другие английские стихи, возникли интересные рифмы <...> Но тут я сказал себе: стоп! Я не хочу создавать для себя дополнительную реальность. К тому же пришлось бы конкурировать с людьми, для которых английский – родной язык. Наконец – и это самое важное – я перед собою такую цель не ставлю. Я, в общем, удовлетворён тем, что пишу по-русски, хотя иногда это идёт, иногда не идёт. Но если и не идёт, то мне не приходит на ум сделать английский вариант. Я не хочу быть наказанным дважды...”

Его английские автопереводы – это тень русского Бродского... Впрочем, о печальной судьбе своей в роли “странствующего еврея” Иосиф Бродский сам размышляет в стихотворении “Пятая годовщина” – о пятилетии своей эмиграции, своего странствия по миру.

Когда, работая над образом Иисуса, прекрасный русский скульптор, причем, еврей по национальности, Марк Антокольский раздумывал над судьбами еврейского народа, у него появилась мысль изобразить еврейский народ в образе Вечного Странника. Вот что он писал корреспондентке, которая пользовалась его доверием: “У меня два сюжета, которые меня одинаково сильно занимают. Первый – это Вечный Жид – исхудалая, жилистая фигура, насколько усталая, настолько же и энергичная. Оборванный, обросший, съёжившись, идёт он безостановочно против бури и ветра, который развеивает остатки его лохмотьев. Это эмблема не только еврейства, но и всех угнетённых”. Второй сюжет – святая мученица времен раннего христианства: “по-видимому, ещё не римлянка, а еврейка...” Увы, воплотить замысел Марк Антокольский не успел...

Пришлось этот образ, даже не называя, воплощать своей позднеэмигрантской жизнью Иосифу Бродскому. Напомним, что в Средневековье евреев

называли “свидетельствующими”, так как считалось, что Господь хранит евреев как живое свидетельство слов и деяний Иисуса. Крах идеи Крестовых походов немало добавил к перспективам установления Христова царства на земле. Вечный Жид – это одно из проявлений “мировой скорби”, охватившей европейский мир... Сам Иосиф Бродский не пишет поэмы “Вечный Жид”, но своей эмигрантской жизнью и поздней поэзией в целом он – осознанно или нет? – становится ипостасью Вечного Жида.

Существует же музейный эталон Вечного Жида. Вечный Жид – общепринятый эталон всего еврейского. Все основные параметры и характеристики Вечного Жида были определены австрийским исследователем еврейского происхождения Мартином Бубером и впоследствии одобрены с точки зрения религиозного закона главным ашкеназским раввином Палестины, и академиком Ландау – со стороны конвенциональной науки. Этот эталон Вечного Жида хранится в Еврейском музее в Берне. Многочисленные попытки государства Израиль договориться с швейцарским правительством о переносе Вечного Жида в Иерусалим не увенчались успехом.

Может быть, этот образ и переходит время от времени в разные реальные личности, и в какой-то момент это случилось с Иосифом Бродским?

Сам Иосиф Бродский размышляет на эту тему так: “Никто не вбирает в себя прошлое с такой полнотой, как поэт, хотя бы из опасения пройти уже пройденный путь. (Вот почему поэт оказывается так часто впереди “своего времени”, занятого, как правило, подгонкой старых клише.) Что бы ни собирался сказать поэт, в момент произнесения слов он сознаёт свою преемственность. Великая литература прошлого смиряет гордыню наследников мастерством и широтой охвата. Поэт всегда говорит о своём горе сдержанно, потому что в отношении горестей и печалей поистине он – Вечный Жид...”

Он сам выбрал себе защитную нишу в эмиграции, нишу Вечного Жида, нишу странствующего Никто, не желая становиться полноценным американским гражданином. Вскоре после отъезда в США в 1972 году, узнав о смерти друга Сергея Чудакова (как оказалось, смерти вымышленной, не имевшей места в действительности), Иосиф Бродский посвятил ему стихотворение “На смерть друга”:

*Может, лучшей и нету калитки в ничто,
Человек мостовой, ты сказал бы, что лучшей не надо,
Вниз по тёмной реке уплывая в бесцветном пальто,
Чьи застёжки одни и спасали тебя от распада.
Тщетно драхму во рту твоём ищет угрюмый Харон,
Тщетно некто трубит наверху в свою дудку протяжно.
Посылаю тебе безымянный прощальный поклон
С берегов неизвестно каких. Да тебе и неважно.*

Замечательное стихотворение! Но уже и не русского пасынка, и отнюдь не американского приёмыша, а странствующего Вечного Жида. Эта десятижды повторенная в разных – и проходных для него, и знаковых – стихах декларация своего существования в “нигде”, адресованная в “ничто”, написанная “неизвестно когда”, – она-то, наверное, и есть суть просыпавшегося в Бродском Вечного Жида? Вечный Жид в каком-то смысле внеационален, это еврей в вечном изгнании, никак не иудей по вере и не привязанный к месту жительства израильтянин. Поэт Виктор Куллэ пишет применительно к Бродскому: “Не знаю, существует ли на генетическом уровне еврейская тяга к странствиям. Возможно, жадность к миру, стремление всё увидеть своими глазами, везде побывать и является отличительной чертой еврейского народа...” Наблюдение верное, но, во-первых, я бы не назвал эту тягу обще-еврейской чертой – местечковое еврейство совсем иное, да и иудаисты принципиально другие. Во-вторых, в этих странствиях Вечного Жида при всей его жадности к миру нет желания принять в себя этот мир. Об этой ипостаси так чётко пока ещё не писали ни друзья и поклонники поэта, ни его враги. Здесь нет антирусскости, или антиамериканизма, или антиеврейства, а есть серое осмысленное “ничто”. Каким бы дикарём и авантюристом ни был его друг Сергей Чудаков, он-то всегда был национален.

Олег Осетинский интересно сравнивает Иосифа Бродского с Сергеем Чудаковым, ныне почти забытым поэтом, другом Бродского: “Оглушены трудом

и водкой/ В коммунистической стране,/ Мы остаёмся за решёткой/ На той и этой стороне!” — писал незабвенный Серж Чудаков в 62-м... А в 1989-м, в городе Риме, Иосиф Бродский спокойно сказал мне:

— Если по правде, то Нобелевку нужно было дать Серёже. Я серьёзно.

— А как же — зло стное? — я хохотал. — “Злостное неповиновение”! Ты вот вроде “политический”, — но корректный!

— Я — корректный? — как бы обиделся Бродский. — А кто сочинил вот это: “Лучший вид на этот город — если сесть в бомбардировщик!”

— Так это ж письменность, Ёсик! Ты ж не грыз милиционеров, не выпрыгивал из зала суда на Сивцевом, не продавал девиц киношникам!

— Да-да! — Бродский грустно качнул головой. — Конечно, нобелевцы никогда б ему не дали, они ханжи, ещё похуже совков!..

“Злостное неповиновение органам правопорядка” — строчки из приговора поэту Сергею Чудакову. Златоуст-златоротец, русский Вийон. Грязнющая пивная на Дорогомилловке была его башней из слоновой кости. Помню его признания: “Я живу на доходы от школьницы, / На костре меня мало спалить!” Помню и строчки Лёни Губанова: “Пусть он был обормотом и вором, / Всё равно мы покрепче той свары, / Всё равно мы повыше той своры, / Всё равно мы звончее той славы!..” Рядом были, конечно, Вознесенские—Евтушенки, они тоже как бы сопротивлялись режиму, — шумно, но не “злостно”... — вы жи в а я! Они... выгодно обменяли жёлтые кофты на жёлтые ботинки и заграничные вояжи, но мужской логики выстрела-покаяния, с которым Маяковский всё-таки обрёл Судьбу Поэта, не хватило из них никому... .

А подлинные гении, аватары, — Чудаков, Губанов, Красовицкий, даже Бродский, — в кремлёвский сортир не вписались! И власть их изгнала или растоптала, а стихи оставила “на потом!” “Прости, железная держава, что притворялась золотой!..” Бродскому удавалось скрыть эзотерический вызов вполне пристойным католицизмом, потому и выпала ему Нобелевка. Думаю, он тайне страдал от невозможности прыжка радикального, апофатического!..

Я согласен с Осетинским, Бродскому удавалось скрывать свой эзотеричный лик Вечного Жиды, потому и получил он Нобелевку. Ведь дело не в еврействе, дело в эзотеричности этого неполиткорректного образа... По-своему, Вечный Жид — это мировой радикально неполиткорректный образ, чуждый и России, и Европе, и Америке, и Израилю... .

Этот лик и описал Иосиф Бродский в своей “Пятой годовщине”:

*...и без костей язык, до вмятных звуков лаком,
судьбу благодарит кириллицыным знаком.*

*На то она судьба, чтоб понимать на всяком
наречьи. Предо мной — пространство в чистом виде.*

В нём места нет толпу, фонтану, пирамиде.

В нём, судя по всему, я не нуждаюсь в гиде.

Это уже не американское пространство, не европейское или ещё какое-нибудь, в нём места нет никакой нации и никакой державе.

Всё-таки чаще всего в поздний его период побеждало странничество. Нет ни русских пасынков, ни американских приёмышей — есть осознанно антиэстетическое, антинациональное, неприлично болезненное осознание “на языке человека, который убыл...” Он искренне разоблачает сам себя и свою немощную дряхлость и ненужность: “Могу прибавить, что теперь на воре / уже не шапка — лысына горит...”

Ветер поэзии в разных странах взметает залежавшуюся литературную пыль, и писатели дружно говорят: это Вечный Жид никак успокоиться не может. Так и будет появляться он в разных странах, как эта странствующая поэзия Иосифа Бродского. И вновь будет появляться странный герой, и это явное самоощущение поэта Иосифа Бродского, — как в стихотворении “Лагуна”:

*И восходит в свой номер на борт по трапу
постоялец, несущий в кармане граппу,
совершенный никто, человек в плаще,
потерявший память, отчизну, сына;
по горбу его плачет в лесах осина,
если кто-то плачет о нём вообще...*